

Когда-то она действительно подбросила Чу И личинку гу, условившись, что стоит ей уничтожить материнского червя, как дочерний гу внутри Чу И тут же убьёт носителя. Вот только она никак не ожидала, что у Чу И окажется на редкость крепкая жизнеспособность: та сумела спастись и от преследователей у обрыва, и от смертоносного паразита в собственном теле.

— Я сам снял с него этого гу, — Чжаоян поднялась на ноги, и в её взгляде, устремлённом на Янь Линъюэ, не было ни единой ряби.

— За всю свою жизнь у тебя больше не представится подобного шанса, — обведя взглядом окрестности, она убедилась, что всеобщие эмоции наконец удалось взять под контроль.

От начала и до конца всё внимание Лань Цюэ было приковано к стоявшей рядом Чу И. Лишь изредка он рассеянно бросал взгляд на Цзян Чэньшуя, но на саму Янь Линъюэ не упало и половины луча его внимания.

Лёжа на земле и глядя на Лань Цюэ, Янь Линъюэ вдруг рассмеялась.

В прошлый раз Лань Цюэ точно так же смотрел на Чу И — наверное, даже сам того не замечая, он всегда был сосредоточен исключительно на ней.

Хотя, казалось бы, всё было продумано до мелочей!

Этот хаос завершился полной и безоговорочной победой Цзян Чэньшуя, а Янь Линъюэ, осознав, что исход решён окончательно, активировала дремавшего в её теле гу и покончила с собой.

Уж лучше умереть от собственной руки, чем сдаться врагам.

Лань Цюэ не удостоил её даже беглым взглядом. Для него Янь Линъюэ была всего лишь чужачкой, и теперь его волновала лишь одна Чу И.

Свадебный наряд Чжаоян был готов уже давным-давно, однако по какой-то причине Чу И всё никак не соглашалась принять предложение руки и сердца от Лань Цюэ. Не найдя другого выхода, Лань Цюэ был вынужден обратиться к Чжаоян, надеясь, что та сможет уговорить упрямыцу.

И лишь после долгого, по душам разговора с Чжаоян Чу И наконец дала своё согласие.

Глядя на неё в день свадьбы, когда она облачилась в ярко-алые свадебные одежды, Лань Цюэ словно бы вновь перенёсся в тот самый день, когда повстречал Чу И впервые — худенькую, хрупкую девчушку с глазами темными и неподвижными, как стоячая вода.

Отныне твоё имя — Чу И.

Слушаюсь.

Ты принадлежишь мне, и так будет вовеки.

Глава 14. Сон о пробуждении гу

Лань Цюэ снова начал видеть сны. Ему опять приснилось, как Чу И бежит вперёд, закутавшись в его плащ.

Во сне она ни разу не оглянулась.

Проснувшись, Лань Цюэ ещё долго сидел неподвижно, погруженный в оцепенение. Ему уже давным-давно не снился этот сон, но почему-то в последнее время образ Чу И всплывал в его памяти всё чаще и чаще.

Разве у него не было рядом Янь Линьюэ?

А-Цюэ, — Янь Линьюэ толкнула дверь и вошла в комнату. В руках она держала пиалу с отваром, озаряя Лань Цюэ нежной улыбкой. — Иди сюда, выпей лекарство. С тех пор как десять лет назад Янь Линьюэ ранила его, у Лань Цюэ остался давний недуг: в это время года он неизменно чувствовал легкую боль в груди. Боль была не сильной, но Янь Линьюэ очень переживала и всякий раз неизменно тревожно варила ему лекарство.

— Мм, — Лань Цюэ взял из ее рук чашу с отваром, осушил ее до дна и только после этого промолвил: — Завтра я собираюсь в Павильон Лань, пойдешь со мной?

Лишь слетев с языка, эти слова заставили его заметить, как сильно охрип его голос.

— Я, пожалуй, не поеду, — Янь Линьюэ забрала у него пустую чашу и отставила в сторону. — В эти дни как раз есть дела, я побуду здесь.

— Мм, — Лань Цюэ посмотрел на Янь Линьюэ и вдруг усмехнулся, тронув уголки губ.

Внешность у Лань Цюэ была выдающейся: черные волосы, миндалевидные глаза с чуть приподнятыми уголками, а когда он улыбался, то выглядел необычайно соблазнительно, особенно в отсветах ламп, казавшихся преисполненными сияния.

Янь Линьюэ безумно любила такую его улыбку, и в такие мгновения в ее глазах неизменно мелькало выражение зачарованности.

Глядя на нее, Лань Цюэ в то же время невольно вспомнил совсем другое лицо: черты разглядеть не удавалось, но отчетливо ощущался холодный и равнодушный взгляд.

Протянув указательный палец, он слегка помассировал себе виски. Почему в последнее время он так часто вспоминает Чу И? Ведь он давным-давно позабыл, как она выглядит.

— Что такое? — встревоженно посмотрела на него Янь Линьюэ. — Снова болит голова?

Каждый раз, когда у него болела голова, Янь Линьюэ неизменно так сильно нервничала.

— Ничего, — слегка помассировав виски самостоятельно, Лань Цюэ вдруг почувствовал некоторую усталость, но, заметив испуганный вид Янь Линьюэ, с усмешкой произнес: — Чего ты? Со мной ведь ничего не случилось.

Выражение тревоги на лице Янь Линъюэ сгладилось, и она бросила на него взгляд, в котором смешались шутливый упрек и нежность.

В данный момент они находились в глубокой горной долине неподалеку от Павильона Лань. Янь Линъюэ говорила, что ей не по душе атмосфера в Павильоне Лань, а Лань Цюэ всегда баловал ее, поэтому, разумеется, все было так, как она желала.

И все же, если возникали какие-то дела, Лань Цюэ неизменно возвращался в Павильон Лань, чтобы разобраться с ними.

— Господин, — стоило ему вернуться в Павильон Лань, как его встретил Ло Юнь.

— Мм, — равнодушно отозвавшись, Лань Цюэ словно что-то припомнил и спросил: — Ты помнишь Чу И?

Стоило этому вопросу сорваться с губ, как Лань Цюэ отчетливо заметил, что выражение лица стоявшего перед ним Ло Юня на мгновение изменилось. Сердце Лань Цюэ слегка дрогнуло, он пристально уставился на Ло Юня, а улыбка на его лице стала еще более зловещей и соблазнительной.

— Мм? — с полуулыбкой посмотрел он на Ло Юня, приподняв уголки глаз, черных и бездонных, словно тушь. Подчинённый лишь немного любопытствует, — опустив веки, почтительно произнёс Ло Юнь, — с чего это хозяин вдруг вспомнил о Чу И? Подумать только, все эти годы Лань Цюэ ни разу не заводил речи о Чу И.

Просто приснился сон, — помолчав добрую половину дня, ответил Лань Цюэ, и сам не понимая, что с ним творится. — Помнится, в те дни вы с ней были довольно близки?

Да. — Ло Юнь потупил взгляд и посмотрел на пол. Чу И с малых лет назначили личным тёмным стражем Лань Цюэ. Они вместе проходили обучение, и когда Чу И получала ранения на заданиях, он сам помогал ей обрабатывать их.

В Павильоне Лань их отношения и впрямь можно было назвать хорошими.

Каков был её характер? — спросил Лань Цюэ, словно внезапно заинтересовавшись. — Я кое-что подзабыл.

Она не слишком любила разговаривать, и на лице почти не отражалось эмоций, но человек она был хороший. — Ло Юнь не до конца понимал намерения Лань Цюэ, но раз тот спросил, как подчинённый он был обязан ответить как следует.

Лань Цюэ ничего не ответил, а спустя долгое время лишь бросил: У тебя есть её портрет?

Есть. — На сей раз Ло Юнь не стал снова опускать голову, а поднял её и посмотрел на Лань Цюэ.

Чу И была личным тёмным стражем Лань Цюэ, поэтому у неё, разумеется, имелась собственная комната. С тех пор как Лань Цюэ, раненный Янь Линъюэ, оказался затянут в

водоворот запутанных с ней отношений, он почти не возвращался в Павильон Лань. Все дела здесь в основном вёл сам Ло Юнь, так что комната Чу И всё это время стояла заброшенной.

Вот этот портрет в своё время мастер нарисовал собственноручно. — В комнате Чу И до сих пор висел портрет, который Лань Цюэ написал для неё много лет назад. Краски уже слегка пожелтели, но линии всё ещё оставались чёткими.

Лань Цюэ оцепенело смотрел на изображённую девушку, и постепенно этот образ сливался с тем, что виделся ему во сне и хранился в памяти.

Лицо человека на рисунке по-прежнему оставалось бесстрастным и холодным, но в чернильных глазах словно таилась лёгкая улыбка, смягчавшая окружающую её холодность и придававшая облику неожиданное тепло.

Неужели в прошлом наши с ней отношения были настолько близки? — Пусть детали общения с Чу И стёрлись из памяти, собственный характер он знал отлично: стал бы он рисовать картину для того, кто приходится ему всего лишь тёмным стражем?

Мне казалось, — Ло Юнь смотрел на изображённую на холсте девушку, и боль в его глазах казалась бездонной, — что вы будете вместе с Чу И.

В конце концов, в те дни во взгляде Лань Цюэ, обращённом к Чу И, читались самые нежные чувства.

Возможно, вы просто сами тогда этого не осознавали, — Ло Юнь поднял голову и прямо посмотрел на Лань Цюэ. Эти слова он носил в себе десять лет, так и не осмелившись высказать, а поскольку Лань Цюэ никогда не вспоминал о Чу И, молчал и он.

Но глаза не могут лгать.

Я не знаю, почему в конце концов вы выбрали госпожу Янь, — к Янь Линъюэ у Ло Юнь всегда лежало какое-то необъяснимое отторжение.

Просто вы спросили сегодня, а я ответил.

Ступай, — помолчав, Лань Цюэ повернулся к портрету, и пальцы его слегка дрожали.

Слушаюсь. — Ло Юнь молча удалился. Сегодня Лань Цюэ вёл себя странно.

Глядя на облачённую в чёрное боевое облачение девушку с картины, Лань Цюэ чувствовал себя так, будто сквозь холст видит ту самую молчаливую особу, что неизменно следовала за ним по пятам.

Молча убрав портрет, Лань Цюэ подумал о возвращении в долину. Иногда он наведывался к одному из озёр в тех краях — это место отлично подходило для спокойных размышлений.

Отправляясь сюда, он предупредил Янь Линъюэ, что пройдёт несколько дней, и на этот раз возвращался без предупреждения. При его нынешнем уровне культивации обычные люди не могли ощутить его присутствие даже вблизи, а потому он смог без всяких препятствий и страха застыть за дверью, прислушиваясь к знакомым голосам внутри.

В последнее время чувствую, что материнский гу в моём теле как-то беспокоен, — встревоженно произнесла Янь Линъюэ. — Боюсь, как бы Лань Цюэ внезапно не вспомнил что-

нибудь, связанное с ней.

Да как такое возможно? — голос собеседницы он тоже узнал — это была одна из ближайших сподвижниц Янь Линъюэ. — Пути Любовных Нитей не теряют силы. К тому же, принимая лекарства все эти годы, он давно забыл про ту тёмную стражницу, с чего бы ему вспоминать её теперь?

Тем более что тогда я своими глазами видела, как она сорвалась в пропасть. Я позаботилась о том, чтобы она точно нашла там свою гибель и от неё не осталось и следа, так что вам не о чем беспокоиться.

Янь Линъюэ тихонько рассмеялась:

Тоже верно.

В те годы она тоже заметила, что чувства Лань Цюэ к Чу И были какими-то неправильными. Та облава была всего лишь ловушкой, и её конечной целью являлся вовсе не Лань Цюэ, а Чу И.

Все эти годы она поила Лань Цюэ отваром, временно стиравшим воспоминания тех лет, правда, с небольшим побочным эффектом, на который она долго не обращала внимания, пока не заметила странности в недавней реакции Лань Цюэ.

Об этом ни в коем случае нельзя ему позволять узнавать. Если Лань Цюэ, с его-то нравом, прознает об этом...— Нельзя, чтобы я знала что? — Голос стражника был низким и приятным, но Янь Линъюэ в комнате словно окаменела, широко распахнув глаза и глядя на того, кто, толкнув дверь, медленно шагнул внутрь.

— М? — В руке Лань Цюэ всё ещё был свиток, принесённый им днём, а во взгляде, устремлённом на Янь Линъюэ, таилась едва заметная улыбка. Его изогнутые губы улыбались так, словно под ночным небом распустилась роза.

Прекрасно. И опасно.

— Почему ты молчишь? — Если говорить о боевых искусствах, Янь Линъюэ, разумеется, не могла тягаться с Лань Цюэ: этот одарённый с самого детства юноша уже почти не знал равных. Сейчас он подошёл так легко, словно вокруг не было ни души, и его нежные, похожие на белый нефрит пальцы легко скользнули по лицу Янь Линъюэ, опускаясь на её шею.

А затем начали медленно сжиматься, пока его взгляд с непередаваемой нежностью смотрел на девушку.

В другое время Янь Линъюэ больше всего любила, когда он так на неё смотрит, но сейчас она чувствовала лишь то, как всё её тело пробирает леденящий холод. Такого Лань Цюэ она видела лишь однажды — когда Чу И только-только сорвалась в пропасть.

Спутник Янь Линъюэ был уничтожен Лань Цюэ в одно мгновение. По мере того как воздуха в груди становилось всё меньше, в сердце Янь Линъюэ нарастало отчаяние. Она знала нрав Лань Цюэ и понимала: если он узнает об этом, последствия будут ужасными. Но она никак не ожидала, что его реакция окажется настолько бурной — он даже не дал ей шанса на оправдание.

Когда её сознание уже погружалось во мрак, Янь Линъюэ вдруг почувствовала, что её отпустили. Обезвоженная, она пластом лежала на земле, мучительно хватая ртом воздух, и

сквозь пелену в глазах заметила, как рядом кто-то присел на корточки.

— Не переживай, я не позволю тебе умереть так легко и быстро, — Лань Цюэ небрежно протянул руку и сделал пару точек на её теле. — Я хочу, чтобы всё, к чему ты стремилась и что планировала, обратилось в прах.

— Убив меня, ты тоже умрёшь! — Янь Линъюэ потратила последние силы, чтобы вцепиться в полу одежды Лань Цюэ. В его теле таился выращенный ею гу: жива материнская особь — жива и дочерняя!

— И что с того? — Обрывки хаотичных воспоминаний единым потоком хлынули в его сознание. — Думаешь, с помощью какого-то червяка можно управлять человеческим сердцем?

Лань Цюэ всегда держал слово: он стремительно уничтожил влияние Янь Линъюэ, стёр его в порошок с почти безумным упорством. Янь Линъюэ была вынуждена повсюду следовать за ним и наблюдать за этим разрушением. Глядя на очаровательную улыбку Лань Цюэ, она больше не чувствовала былого трепета — лишь накатывающие волнами холода мурашки.

— Ну как, нравится? — Перед лицом бушующего пламени Лань Цюэ сжимал горло Янь Линъюэ, мягко задавая вопрос.

Меридианы Янь Линъюэ были разрушены, и она могла лишь безвольно лежать. От столь безумного, смертельно опасного шага Лань Цюэ её сердце заледенело.

— Даже если ты всё это уничтожишь, что изменится? — Янь Линъюэ вдруг нервно рассмеялась. — Она ведь уже не вернётся.

— От неё даже костей не осталось. Что бы ты ни делал, она этого не увидит.

— Она даже не догадывалась о твоих чувствах к ней.

Но что бы она ни говорила, Лань Цюэ по-прежнему смотрел на неё с демонической, очаровательной улыбкой.

— Поэтому я отправлюсь составить ей компанию! — Лань Цюэ отбросил её в сторону и, разомкнув ей зубы, силой впихнул внутрь какую-то пилюлю. — Не бойся, я позабочусь о том, чтобы ты как следует насладились этим последним мгновением.

На вершине утёса Лань Цюэ смотрел на свиток в своих руках и безумно, отрешённо улыбался.

Он опоздал. Опоздал на целых десять лет. Больше он никогда и ни за что не оставит её одну.

В тот самый миг, когда он шагнул в пропасть, Лань Цюэ показалось, что он снова вернулся в день их первой встречи.

Хрупкая маленькая девочка, смотревшая на него с таким непоколебимым выражением, а её взгляд был чист, как вода.

Не суждено делить одно ложе при жизни — разделим одну могилу после смерти!

Глава 15. Чжун Цин

На пограничных рубежах назревала тяжёлая война: это было уже десятое нападение за текущий месяц, а ведь прошло едва тринадцать дней, и продовольствия катастрофически не

хватало.

— Генерал, — заместитель с тревожным выражением лица смотрел на Чжун Цин. С самого начала месяца генерал не сомкнула глаз ни на минуту. Подчинённые не раз пытались уговорить её отдохнуть, но она оставалась непреклонной и продолжала стоять на страже.

— Что с теми, кого мы отправили за подкреплением? — Глаза Чжун Цин были испещрены красными прожилками. Она уже отправила нескольких гонцов, но ни один из них не вернулся, не говоря уже о припасах. Её пальцы мёртвой хваткой вцепились в угол стола: неужели этот человек действительно так сильно желал её смерти?

Даже если он хотел избавиться от неё, не стоило же ради этого играть жизнями простого народа! Племена Бэйди в этот раз шли грозным маршем, преисполненные решимости захватить Наньань. Если Наньань падет, армия Бэйди беспрепятственно двинется вглубь страны и дойдёт прямо до столицы. При этой мысли в глазах Чжун Цин застыла невыразимая боль.

Если всё закончится именно так, она станет преступницей перед всем миром!

— Ни один не вернулся, — заместителя звали Линь. Он следовал за Чжун Цин со дня её поступления в армию и по сей день, поэтому прекрасно понимал нынешнее состояние своего генерала и не мог не испытывать жгучей ненависти к тому человеку в столице.

— На сколько ещё хватит наших запасов еды? — Чжун Цин собрала волю в кулак — нынешняя ситуация не позволяла ей поддаваться слабости. Граница была суровой и бесплодной, и даже полной поддержки местных жителей едва ли хватало на прокорм её тридцатитысячного войска. Она не могла просто смотреть, как люди, столько лет следовавшие за ней, погибнут не в честном бою, а умрут от голода в тылу!

— Хватит ещё на три дня. От силы — на три дня. — Даже командиры уже давно не ели досыта, а на фоне всё более яростных атак Бэйди у них не было ни минуты на отдых.

— Если к завтрашнему дню ничего не изменится, я сама отправлюсь в столицу, — холодно произнесла Чжун Цин. Лицо стоявшего рядом заместителя Линя мгновенно переменялось: — Генерал, ни в коем случае нельзя!

Тот человек всё это время жаждал забрать у генерала военную власть, но из-за невероятного авторитета Чжун Цин среди солдат никак не мог найти подходящего повода. Если генерал явится туда сама, разве это не даст ему идеальный предлог для расправы? Сколько людей за эти годы тайком ставили палки в колёса генералу — кто бы осмелился поднять руку на Вэйюаньского генерала, в чьих руках сосредоточено тридцать тысяч элитных воинов, без прямого дозволения свыше?

— Генерал, стоит вам уехать, и тогда... — Заместитель Линь не успел договорить, как Чжун Цин жестом остановила его. Она прекрасно знала, к чему приведёт эта поездка. Граница не могла оставаться без её присмотра, а тактика Тоба Юэ из Бэйди была ей прекрасно знакома. Но если продолжать тянуть время в таком тупике, она не могла позволить себе просто наблюдать, как её люди один за другим идут на верную смерть.

Все они были солдатами, которых она вырастила своими руками!

— Генерал, — заместитель Линь изо всех сил пытался отговорить её. — Ваша поездка вовсе не гарантирует, что удастся выбить внешнее подкрепление, к чему так рисковать...

— Больше ни слова, — Чжун Цин потсела виски. Если бы оставался хоть какой-то другой выход, она бы ни за что не пошла на этот шаг. Но обстановка была слишком опасной, и чего стоила её собственная жизнь на кону?

Услышав слова Чжун Цин, заместитель Линь едва не расплакался. Его генерал!

— Доклад... — В самый момент, когда атмосфера в шатре стала предельно тяжёлой, снаружи раздался голос солдата. Заместитель Линь помрачнел, слегка отвернулся, чтобы смахнуть выступившие слёзы, и откинул полог шатра.

— Что случилось? — Чжун Цин с досадой посмотрела на своего помощника.

— Генерал, у лагеря объявилась женщина, которая утверждает, что она ваша тётушка. Мы задержали её на подходе. — Никто из них столько лет не слышал, чтобы у генерала вообще были какие-то родственники, однако сегодняшняя гостья действительно имела примерно пятипроцентное сходство с самой Чжун Цин, поэтому стража и решила доложить.

— Тётушка? — Чжун Цин мысленно перебирала воспоминания. Если ей не изменяла память, ни отец, ни мать никогда не упоминали о наличии у них какой-то сестры.

— Пойду взгляну, — прищурилась Чжун Цин. Раз уж эта особа осмелилась явиться к ней, стоит лично посмотреть, кто она такая и какова её цель!

— Есть.

Едва приподняв полог палатки, Чжун Цин сразу заметила яркую алую фигуру на фоне моря чёрных доспехов — среди воинов она выглядела слишком броско. Когда незнакомка, словно почувствовав чей-то взгляд, обернулась, зрачки Чжун Цин резко сузились.

Стоявшая перед ней женщина походила на неё наполовину, но с её покойной матерью у неё было все девяносто процентов сходства.

Заместитель Линь тоже видел мать Чжун Цин и прекрасно помнил её внешность. Увидев сейчас женщину в красном, он не смог скрыть крайнего удивления — разве что черты лица жены старого генерала казались чуть более мягкими, но в остальном сходство достигало девяти из десяти.

— Ты ведь А-Цин, верно? — Женщина, заметив приближение Чжун Цин, слегка улыбнулась уголками губ. С того ракурса, под которым смотрела Чжун Цин, переливающийся цвет её радужки напоминал драгоценный камень и был точь-в-точь как у неё самой, только взгляд незнакомки казался куда более мягким.

— Меня зовут Чжаоян, если не возражаешь, можешь звать меня тётушкой. — Чжаоян окинула взглядом окрестности — солдаты вокруг тайком поглядывали в их сторону, — после чего тепло улыбнулась Чжун Цин. — Позволишь пригласить меня внутрь?

— Прощу, — Чжун Цин бросила на неё долгий взгляд и завела гостью в свой шатер.

— Я знаю, у тебя сейчас множество вопросов, — оказавшись внутри, Чжаоян не стала ходить вокруг да около и молча опустилась на главное кресло, глядя на племянницу.

— В детстве отец велел изготовить для меня и младшей сестры парные замочки долголетия. Его разделили на две половины: одну отдали ей, другую оставили мне. — Чжаоян сняла с плеч

накидку и извлекла из-под воротника золотой замочек на цепочке. — Если я не ошибаюсь, та вторая половинка сейчас должна быть у тебя.

Глядя на замок, который Чжаоян сняла с шеи, Чжун Цин достала из-за пазухи собственный оберег. Они приложили их друг к другу — половины сошлись идеально, без малейшего зазора.

— Много лет назад младшая сестра наотрез отказалась выходить за человека, которого подобрала ей семья, и упорно вышла за твоего отца. Отец тогда так разболелся от гнева, что выгнал её из дома. Но упрямства ей было не занимать: все эти годы она принципиально не отправляла домой ни единого письма.

<http://bllate.org/book/22151/2307547>